

© 2014 г. А.С. ВЫРЕНКОВА, М.С. ПОЛИНСКАЯ, Е.В. РАХИЛИНА

# ГРАММАТИКА ОШИБОК И ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ: «ЭРИТАЖНЫЙ» («УНАСЛЕДОВАННЫЙ») РУССКИЙ ЯЗЫК\*

В статье обсуждается природа ошибок в текстах носителей особого варианта русского языка: детей эмигрантов, выросших в иноязычной среде и унаследовавших свой русский от родителей. В англоязычной традиции такой вариант родного языка называется «heritage language» (в нашем случае «heritage Russian»), т.е. «унаследованный (эритажный) язык». Материалом послужил корпус текстов детей американских эмигрантов Russian learner corpus. Показано, что ошибки таких говорящих отличаются и от ошибок обычных носителей, и от ошибок иностранных студентов, а их механизм представляет существенный интерес для теоретической лингвистики.

**Ключевые слова:** унаследованный русский, эритажный русский, корпус, речевые ошибки, композициональность

The article gives an overview of mistakes made by a peculiar type of speakers – children of emigrants from Russia who grew up in a foreign linguistic environment and inherited their Russian from their parents. English tradition refers to this variety of Russian as «heritage Russian». The study is based on the data from the Russian learner corpus, which includes texts produced by children of emigrants to the USA. The results show that the mistakes made by this type of speakers are different from those made by both common speakers of Russian and L2 students, and the process of their emergence is of significant linguistic interest.

**Keywords:** heritage Russian, corpus, mistakes, compositionality

## ВВЕДЕНИЕ

Обсуждая проблему ошибок в языковой системе, мы хотели бы начать с сугубо теоретического вопроса, который, на первый взгляд, не имеет к ошибкам никакого отношения. Речь идет об известном споре между сторонниками и противниками идеи композициональности, выдвинутой в свое время Г. Фреге: порождаются ли естественно-языковые конструкции по общим правилам или запоминаются целиком и строятся по готовым образцам.

Если первое, значит, правы те, кто представляет себе сочинение текста как конвейерную сборку из независимых друг от друга мелких деталей, которые постепенно складываются в нечто целое. Если второе, то для порождения текста нужна другая метафора – например, метафора танца, которую в свое время предложил Борис Гаспаров [Гаспаров 1996]: танцевальные па настолько связаны, что движения разных частей тела представляют собой некое единство, своего рода гештальт. Невозможно даже представить себе, чтобы восприятие танца или обучение ему разрывало это единство и описывало его элементы как независимые.

Переводя сказанное с метафорического на более строгий терминологический язык, возвратимся к Г. Фреге, который рассматривал композициональность как главный принцип существования человеческого языка, и его сегодняшним сторонникам:

\* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2014 гг.

композициональность сложного выражения предполагает, что его значение сводится к значению частей и синтаксических отношений, их связывающих, см. [Фреге 1977; Partee 1995] и др. Соответственно, некомпозициональность добавляет к этому набору еще и значение самого целого, т.е. той конструкции, в которую эти части складываются и в которой функционируют синтаксические отношения.

В качестве простой иллюстрации к сказанному можно было бы разобрать расхожую просьбу: *Поставь чайник!* Ее композициональный анализ состоял бы в предложении привести чайник в вертикальное положение из горизонтального или перестать держать его в руках и поставить на опору – например, на стол. Именно такой будет буквальная интерпретация императива от каузативного глагола *поставить*, объектом которого оказалось имя *чайник*. Однако нужный нам смысл этого высказывания – т.е. тот, который мы, как правило, подразумеваем, когда его произносим, – радикально нарушает принцип композициональности и представляет собой сложную стяжку смыслов, а именно ‘набери воды в чайник, поставь его на огонь, чтобы вода дошла до кипения (чтобы потом пить чай)’.

В современной лингвистической теории сторонников неполной композициональности естественного языка или, в более радикальном варианте, его принципиальной некомпозициональности становится все больше. В последнее время к этой точке зрения склоняются не только теоретики (в первую очередь, авторы Теории грамматики конструкций, как Ч. Филлмор, А. Голдберг или Л. Микаэлис<sup>1</sup>), но и экспериментаторы, как М. Томаселло или Е. Домбровска [Tomasello 2003; Dąbrowska 2004] и типологи, см. прежде всего [Croft 2001]. В пользу этого подхода говорят и известные прагматические постулаты П. Грайса [Grice 1975], согласно которым говорящий всегда стремится сократить свои усилия («переложив» основную коммуникативную работу на слушающего) и сжать всякое свое высказывание: он уверен в себе и в слушающем – эта уверенность дает ему возможность превратить свою речь в цепочку «нечленимых» конструкций.

Все сказанное, однако, касается **стандартных** говорящих и нормальных условий коммуникации. Именно в этих условиях растет число некомпозициональных высказываний, которые человек воспроизводит целиком, а не порождает. У говорящего, которого можно назвать **нестандартным** [Mustajoki et al. 2010: 5–16] – т.е. у не вполне полноценного носителя языка (например, двуязычного носителя, эмигранта, во взрослом состоянии оказавшегося в чужой стране, ребенка эмигрантов, выросшего в иноязычной среде) или не-носителя языка (т.е. человека, который этот язык только изучает), – по-видимому, задействованы другие механизмы. Такой говорящий, с одной стороны, не вполне уверен в своей собственной языковой компетенции, а с другой, не может в полной мере положиться и на общность своего языкового опыта с опытом слушающего. Риск быть непонятым для него слишком велик, так что он просто не может позволить себе быть сколько-нибудь идиоматичным. Именно у таких говорящих гораздо больше оснований для апелляции к принципу композициональности при построении текстов.

Эту идею мы хотели бы обсудить, обратившись к языковому материалу, собранному в рамках проекта «Учебный корпус русского языка» (Корпус с размеченными ошибками) в НИУ ВШЭ. Основная задача корпуса – дать новый, современным образом организованный материал для исследования разных типов нестандартных носителей, который позволил бы выделить и сравнить между собой их типичные ошибки, а также понять, какие стратегии они выбирают, чтобы преодолеть ощущаемое ими «расстояние» до слушающего. Планируется, что корпус будет включать в себя учебные тексты (прежде всего, письменные) нескольких типов:

- образцы академического письма студентов первых курсов (курсовые работы, эссе, рефераты, аннотации и пр.);
- записи текстов двуязычных носителей, представляющих региональный русский;

<sup>1</sup> См. например, [Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995; Michaelis 2005] и др., а также подробный обзор этой теории [Кузнецова, Рахилина 2010].

- тексты студентов-иностранцев (изучающих русский как иностранный, или РКИ) разных уровней;
- тексты так называемых **эритажных** говорящих – второго поколения эмигрантов из России, выросших и живущих за ее пределами, для которых родной русский язык перестал быть основным и имеет особый статус «унаследованного» от родителей (heritage Russian)<sup>2</sup>.

Настоящая работа опирается на данные Учебного корпуса русского языка<sup>3</sup> (Russian learner corpus) в той его части, которая охватывает две последние категории нестандартных говорящих. Этот подкорпус создан как часть Национального корпуса русского языка в рамках сотрудничества с National heritage language resource center (UCLA) и Language science lab Гарвардского университета (под руководством М.С. Полинской) и исследовательской группы Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е.В. Рахилиной. Главный конструктор корпуса – Т.А. Архангельский. В состав корпуса входят тексты Учебного корпуса академической речи (Russian learner corpus of academic speech), разработанного О.В. Киселевой и А.А. Алсуфиевой, а также тексты, собранные И.Е. Дубининой и Е.С. Деньгубом.

Общий объем доступных в нем в настоящее время текстов такого рода составляет более 360 тыс. слов; все они снабжены метаразметкой, которая содержит сведения об их принадлежности к типу «эритажных» и об уровне владения автором русским языком в терминах универсальной классификации, принятой в США: IM (средний), AM (средний продвинутый), L (низкий) и др. Помимо метаразметки (данные для которой представлены американскими коллегами), тексты имеют автоматическую морфологическую разметку (с помощью программы MYSTEM), а ошибки разных типов размечены вручную. Уже в этом виде, несмотря на небольшой объем, они представляют достаточно интересный материал для исследования, однако Корпус продолжает постоянно пополняться.

## 1. ЭРИТАЖНЫЙ РУССКИЙ VS. РУССКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ

Традиционно считается, что носители, в распоряжении которых есть две языковые системы, хорошо владея правилами основного для их повседневной жизни языка, часто совершают ошибки, обусловленные калькированием «знакомых» структур в язык, которым они владеют ограниченно. Калькирование всегда привлекало внимание исследователей процесса освоения иностранного языка (или SLA: Second language acquisition); подробнее см. [Ellis 2003]. Главная цель проводимых в этом направлении исследований – сделать обучение более эффективным, но есть и другая: понять сам процесс усвоения иностранного языка. Еще с 60-х годов прошлого века многие исследователи пытались

<sup>2</sup> В русскоязычных работах речь наших соотечественников в иноязычном окружении уже была хорошо описана – см., например, известные труды [Гловинская 2001; Земская 2001], где такие говорящие названы «представителями русской диаспоры» и «русскоговорящими эмигрантами». В этих работах основное внимание уделяется эмигрантам первой волны, быстро теряющим знание родного языка. Нас же больше интересуют те люди, которые либо родились в семьях эмигрантов, либо эмигрировали в страну в раннем возрасте и самое главное – продолжают говорить по-русски. В английском языке давно принят и применяется не только к подобным русскоговорящим эмигрантам, но и к носителям других языков термин «heritage speaker / heritage language» [Polinsky, Kagan 2007], для русского языка устоявшегося термина нет: исследование этого феномена в России только начинается. «Первопроходцами» был предложен ряд терминов, каждый из которых имеет свои недостатки. Например, «наследники», «ЛУРЫ» (= «Люди с унаследованным русским») или просто «билингвы». В настоящей работе и предшествующих ей докладах на конференциях, в той или иной степени связанных с данной тематикой, мы используем более близкий оригиналу термин «эритажный (говорящий / язык)» как наиболее точно отражающий нужный нам смысл.

<sup>3</sup> [www.web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/](http://www.web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/)

сделать это, сравнивая первый язык и изучаемый. Так родилось влиятельное в то время направление контрастивного анализа в SLA (подробнее см., например, [Granger 2003]). Оно основано на гипотезе о том, что обучающемуся труднее даются те языковые явления, которые в иностранном и родном ему языке устроены по-разному [Lado 1960]. Так, в рамках контрастивного анализа появилось одно из важнейших понятий SLA, объясняющих калькирование – **языковой перенос** или **языковая интерференция** (language transfer / language interference). В [Odlin 1989] языковой перенос определяется как результат влияния, возникающего на фоне сходств и различий между родным (или ранее усвоенным) и изучаемым языками. Языковой перенос активно исследуется в связи с разными языковыми явлениями: грамматическими [Gass 1979; Stockwell et al. 1965; Kellerman 1979], фонетическими [Chang, Mishler 2012], семантико-синтаксическими [Littlemore 2009; Ellis 2013], связанными с механизмом порождения речи [Selinker 1983; Skehan 1998]. Если перенос лексической единицы приводит к ошибке (а это происходит не всегда<sup>4</sup>), то перед нами калька. Вот некоторые примеры ошибок, допущенных студентами-иностранцами (РКИ), которые обусловлены языковой интерференцией<sup>5</sup>:

- (1) *В утра я люблю чай чордней* [вместо: *черный*] *с молокам* (ср. англ.: *in the morning* → *в утро* при правильном русском *утром*).
- (2) *Зато мне кажется, что каждое время, когда я включаю телевизор, я вижу ещё другую передачу о здоровье* (ср. англ.: *each time* → *каждый время* при правильном русском *каждый раз*).

Степень интерференции бывает разной: примеры (1) и (2) иллюстрируют случаи полного переноса английских конструкций в русскую речь, но есть и более «изысканные» примеры:

- (3) *Читаю и пишу в по-русский трудна.*
- (4) *Я учу по-русский язык.*
- (5) *Я люблю говорю с русскии и русския или люди кто говорите по-русский язык.*

Предложения (3)–(5) взяты из одного и того же эссе и написаны одним и тем же говорящим, который явно хорошо помнит звучание русской наречной формы для выражения значения ‘язык, на котором происходит процесс коммуникации’ (ср.: *говорить по-русски, писать по-русски* и т. п.). Однако он не владеет ни морфологическим правилом образования этой формы (путает наречие с прилагательным: *по-русский* вместо *по-русски*), ни лексико-синтаксическими правилами ее употребления в контексте. Поэтому в его тексте русское наречие начинает функционировать в соответствии с английскими правилами, ср.: предлог *в* (3), как в *to write in Russian* и отсутствие предлога в (4) и (5), как в *study / learn Russian; speak Russian*.

Логично было бы предположить, что носители «унаследованного», или эритажного, русского, на языке которых мы сосредоточимся в этой статье, тоже будут в основном калькировать английские конструкции, «путая» две языковые системы – доминантного языка и родного. Тем не менее предварительный анализ собранных в Корпусе примеров показал, что таких ошибок в речи эритажных говорящих примерно в четыре раза меньше, чем в речи изучающих русский язык как иностранный.

Такой результат сначала показался нам удивительным, но в принципе он объясним, ведь эритажные говорящие – это нестандартные среди нестандартных, потому что русский язык для них **одновременно** и родной, и иностранный<sup>6</sup>. Правда, ответ на вопрос,

<sup>4</sup> Перенос структуры родного языка в изучаемый не провоцирует ошибку, если в данном фрагменте языковые системы устроены одинаково.

<sup>5</sup> Здесь и далее примеры взяты из Учебного корпуса.

<sup>6</sup> Типологическое осмысление особого статуса эритажного русского предлагается в работе [Polinsky, Kagan 2007], где предпринята попытка соотнести эритажный русский с креольскими языками.

в чем именно заключается это своеобразие с лингвистической точки зрения, пока не получен.

В последнее время появились исследования, посвященные особенностям эритажных носителей по сравнению с обычными студентами-иностранцами, но акцент в них, как правило, ставится на синтаксис, ср. [Polinsky 2008a; 2008b]. Между тем нас привлекает задача описания лексики и прежде всего конструкций, которые демонстрируют сложные лингвистические явления и их взаимодействия и о которых мы говорили в начале в связи с проблемой композициональности.

С педагогической точки зрения важно не только обнаружить ошибку, но и предъяснить способ ее устранения, чтобы можно было заменить неправильный фрагмент текста правильным – другими словами, важно описать конкретную причину нарушения правильности в данной точке языковой системы. Для лингвистов и этого недостаточно: самым существенным было бы выявить общие механизмы или стратегии, которые заставляют говорящего выбирать ту или другую форму – в нашем случае – конструкцию. В следующих разделах мы исследуем некоторые особенности эритажных стратегий при построении конструкций.

## 2. «НЕ-КАЛЬКИ»

Итак, данные Корпуса говорят о том, что носители эритажного русского гораздо чаще избегают прямого калькирования с английского, чем иностранные говорящие, изучающие русский язык. Их характерная стратегия – «изобретение» конструкций, отсутствующих и в русском, и в английском языках. Такие конструкции мы назвали **не-кальками**. Само название подразумевает, что в распоряжении говорящего есть две системы, одна из которых могла бы стать «донором» слова или конструкции при неуверенном выборе средства выражения того или иного значения. Однако при том, что потенциально возможность переноса языковых единиц из одного языка в другой существует, говорящим она не используется.

Не-кальки представляют большой интерес: они находятся вне языковой интерференции и свидетельствуют о том, что говорящий свободен от правил конкретной языковой системы. Такое непосредственное языковое поведение до сих пор в достаточной степени не исследовалось. Начиная с известной гипотезы Сепира – Уорфа, лингвистов в основном волновал вопрос о влиянии языковой системы на стратегии выражения тех или иных значений – пространственных ([Levinson 2003, Majid et al. 2004] и др.), временных (ср. обзор [Bender et al. 2010] и др.). Поведение нестандартных носителей – через не-кальки – может обнаружить принципы «чистой», лишенной языковой конвенции, в некотором смысле надязыковой, семантики.

Для иллюстрации сказанного вспомним известную работу Д. Слобина о влиянии языка на концептуализацию движения [Slobin 2004]. Пытаясь показать, что концептуализация реальности в нашем сознании, по крайней мере, в момент речи, подвержена непосредственному влиянию языковых категорий, он рассматривает специфику кодирования глаголов движения людьми, говорящими на разных языках.

Как известно (см. [Talmy 1985; 1991] и др.), системы глаголов поступательного движения в языках мира различаются в зависимости от морфологических средств, которыми кодируется способ и направление движения. Есть языки так называемого сателлитного типа, где корневая морфема глагола называет способ передвижения, а направление выражено дополнительными лексическими единицами (ср., например: англ. *run into* или русск. *вбежать в*). В языках другого – глагольного – типа, напротив, вне глагола выражен способ передвижения, а сам глагол указывает на направление (ср., например: франц. *entrer en courant*, букв. *входить на бегу*). Задача, которую решали испытуемые в эксперименте Д. Слобина, состояла в описании серии картинок, изображающих движение разного рода. В результате этого эксперимента оказалось, что говорящие на языках сателлитного типа употребляют гораздо больше глаголов со значением способа передвижения (ср. русск. *бежать, ползти, прыгать* и т.п.),

чем говорящие на языках глагольного типа. Теперь рассмотрим следующий пример из нашего корпуса

(1) *И собака туда пошла за него.*

Предложение описывает ситуацию, когда собака ныряет за мальчиком в воду. И русский, и английский языки относятся к сателлитному типу, это значит, что оба языка должны «программировать» говорящего использовать глагол, в котором выражена семантика способа движения. Для русского в этом случае наилучшим вариантом был бы предикат *нырять* (его английским коррелят – глагол *to plunge*), однако это довольно малочастотный, а значит, довольно «сложный» глагол – эритажник может его просто не знать или не помнить. Если это так, то ему естественнее было бы выбрать «простые» *плыть* или *прыгать*. Другая возможность – употребить глагол *последовать*, который выражает не способ движения, а локализацию субъекта относительно объекта. В этом случае мы получили бы ошибку-кальку, потому что русская фраза *Собака последовала за ним* представляет другой стилистический регистр<sup>7</sup> и неприемлема по отношению к собаке, а вот английский язык без особых оговорок допускает в данном случае глагол *to follow* (аналог *последовать*)<sup>8</sup>.

Заметим, что ни одним из ожидаемых путей говорящий не идет – он выбирает особый путь, избегая как глагольной, так и сателлитной стратегии. Направление движения в (6) выражено предлогом, и ожидалось бы, что способ движения будет кодироваться глагольной лексемой, но этого не происходит. По-видимому, для передачи нужного смысла говорящий пользуется здесь сложением простейших в семантическом отношении блоков: глагол *идти* в русском языке вполне может считаться прототипическим глаголом движения – комбинацию этого глагола и предлога *в* и использует эритажний говорящий, чтобы нагляднее описать базовую пространственную ситуацию.

Прозрачное, не регламентированное частными контекстными правилами языковое поведение невозможно проследить в речи стандартного носителя. В полной мере овладевший нормой языка, он уверенно пользуется некомпозиционными конструкциями и умест быстро формировать ментальные образы таким образом, чтобы они легче подавались вербализации. Мы полагаем, что композициональность в языковых конструкциях проявляется в речи нестандартных носителей, и демонстрируем это на примерах не-калек, которые являются чрезвычайно интересным для этого материалом.

### 3. ТИПЫ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ НЕ-КАЛЕК

Еще раз напомним, что нас будут интересовать в основном лексико-синтаксические или конструкционные ошибки. Все примеры не-калек, рассмотренные ниже, были найдены в текстах, написанных носителями «унаследованного» русского. Обобщив собранный материал, мы выделили четыре разных типа, отражающих разные тактики, которыми пользуются такие говорящие:

<sup>7</sup> Ср. примеры из НКРЯ на глагол *последовать* со значением ‘идти следом за’ с одушевленным субъектом и одушевленным ориентиром движения. Таких примеров оказалось всего несколько десятков, большинство из текстов XIX в. или текстов, имитирующих старую норму: *...все заметили, как гордо и самодовольно князь Суворов последовал за Государем, но как совсем иным он вышел из этой комнаты* [В. Мещерский. Мои воспоминания (1897)]; *Фрол Дура, пятидесятник конных стрельцов, последовал за раненым Прозоровским в церковь и стал в дверях с обнаженным ножом, решившись не иначе пустить казаков в храм, как через свое мертвое тело* [Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XVII столетие (1862–1875)]; *Ярополк последовал за отцом и вместе с ним некоторые бояре, желая оказать старому князю честь* [А. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха (1960)].

<sup>8</sup> Понятно, что ввиду этой особенности русск. *последовать* оказывается значительно менее частотным, чем англ. *follow*.

- **Толкования:**

говорящий, пытаясь передать необходимый ему смысл, раскладывает значение некоторой единицы на элементарные, то есть дает ее объяснение или толкование.

- **Использование обобщающей модели для построения конструкции:**

говорящий выводит значение единицы из ряда известных ему однотипных конструкций и комбинирует ее с другими, упрощая сочетаемостные и грамматические правила.

- **Нарушение (упрощение) некомпозиционных грамматических правил:**

говорящий игнорирует грамматические нюансы употребления конструкции.

- **Нарушение (упрощение) коммуникативной и интерпретационной структуры высказывания:**

говорящий упрощает правила организации семантической информации в высказывании.

Рассмотрим подробнее каждый из этих типов<sup>9</sup>.

### 3.1. Толкования-объяснения

Мы начнем с самых простых, на наш взгляд, примеров – случаев, когда эритажний говорящий по тем или иным причинам не может воспроизвести нужную лексему и заменяет ее на простые толкования, устраняя идиоматичность, и покажем на примерах, как эта стратегия может быть реализована.

(7) *...он катается на лыжах с лодкой, его лодка везет на лыжах по воде.*

В тексте, из которого взят пример (7), описывается эпизод из мультфильма «Ну, погоди!», где заяц едет на водных лыжах<sup>10</sup>. Очевидно, что говорящий не знает, что в русском языке есть выражение *водные лыжи* и *кататься/ехать на водных лыжах*, поэтому он пытается передать необходимую идею, разложив ситуацию на более простые элементы. Интересно, что эритажний носитель не прибегает к калькированию соответствующей английской фразы *to water ski*, а выбирает совсем простой способ: эксплицитное выражение всех участников ситуации. Такое буквальное описание представляет собой детальное толкование идиоматичного русского *кататься на водных лыжах* и в этом смысле является более композиционным.

Теперь рассмотрим более сложный пример (8) – описание нужного значения через разложение на семантически простые элементы:

(8) *Может быть клас [=‘курс’] в котором мы можем учить ешё после этого класа.*

<sup>9</sup> Надо сказать, что специалисты по обучению второму языку неоднократно описывали стратегии разрешения речевых трудностей студентами, изучающими иностранный язык. В качестве примера сошлемся на приемы, перечисленные в статье [Dörnyei, Kormos 1998]: паузы хезитации, переспросы, использование обобщенных классификаторов (как *thing, stuff* или *do*), опущение недоступных на изучаемом языке фрагментов предложения (*then... er... the sun is is...*), подстановка слов из родного языка, буквальный перевод (прямое калькирование), изменение плана, уточняющие вопросы разных типов, перифразирование с некоторым изменением структуры и т.п.

Как можно видеть, иногда такие говорящие прямо обращаются к слушающему, т.е. задействуют интерактивную составляющую диалога (переспросы), а иногда речь идет об использовании языковых ресурсов самого говорящего (калькирование или перифразирование).

В настоящей статье мы рассматриваем исключительно стратегии второго класса, причем только в отношении поведения эритажных говорящих, и видим в них существенные особенности, имеющие, как мы считаем, общую природу.

<sup>10</sup> Тексты с описанием сцен из мультфильма были получены в результате эксперимента по сбору структурированных нарративов на нескольких эритажных языках (русские тексты были собраны И.Е. Дубининой, Т. Ивановой-Салливан и М.С. Полинской). Часть текстов представлена на сайте: <http://thedata.harvard.edu/dvn/dv/polinsky>.

В небольшом тексте, из которого взят этот пример, речь идет о том, что у студента заканчивается курс русского языка, который он (или она) хочет продолжать в следующем году.

Недоступным говорящему оказался глагол *продолжать* (*учить*), и он, как может, пытается его объяснить. Получается вполне прозрачная в семантическом отношении конструкция: простая сумма значений 'учить', 'еще' и 'после' дает необходимое значение 'продолжать учить'. Эта конструкция не является калькой: ее прямой аналог *'we can study (learn) more after this class* в английском языке звучит неестественно<sup>11</sup>. Это дает нам возможность говорить именно о не-кальке.

В примере (9) объяснительная стратегия несколько отличается от двух предыдущих:

(9) *У меня большой акцент.*

Если в предложении (8) говорящий раскладывал значение лексической единицы на более простые составляющие, то здесь он выбирает прилагательное с базовым параметрическим значением, которое, хотя и может нарушать действующую в языке сочетаемость (и нарушает ее), обязательно будет понятно любому слушающему. Действительно, согласно сочетаемостным правилам и русского, и английского языков, существительное *акцент* в значении 'особенности произношения, свойственные говорящим не на родном языке и отражающие отступление от языковой нормы' связано с идеей силы, а не размера. По данным Национального корпуса русского языка и Корпуса современного американского языка (COCA), сочетания *сильный акцент* и *strong accent* оказываются примерно в семь раз частотнее, чем сочетания со словами *большой* и *big*. Но именно *big* и *большой* соотносят параметрические имена самых разных типов с максимумом на шкале. Таким образом, не владея в полной мере сочетаемостью абстрактного русского существительного *акцент*, не желая калькировать английскую сочетаемость и одновременно стремясь быть понятнее, говорящий выбирает более доступную и универсальную лексему, добиваясь более композиционального способа выражения необходимого значения.

### 3.2. Использование обобщенной модели для построения новых конструкций

Поскольку говорящий часто слышит однотипные конструкции и формирует собственное представление о значении их составляющих и возможных отношениях этих составляющих с другими языковыми единицами, новые конструкции он «собирает» из этих элементов, основываясь на усвоенной таким образом семантике и синтагматике, а это нередко приводит к ошибкам, как в (10)–(15).

(10) *Чем раньше люди начинают читать и вапче думать, тем раньше они начинают понимать о всем*<sup>12</sup>.

Ошибка в (10) говорит о том, что эритажный говорящий хорошо знаком с предлогом *о* как с показателем темы по таким конструкциям, как *знать (о)*, *думать (о)*, *размышлять (о)*, *вспоминать (о)*, *говорить (о)*, *рассказывать (о)*, *писать (о)* и т. п. Как видим, в этом списке объединены ментальные глаголы (*думать*, *знать*, *размышлять*, *вспоминать*) и глаголы речи (*перечислить*). Общность их поведения позволяет говорящему связать

<sup>11</sup> В английском можно либо употребить похожую конструкцию с обязательным выражением объекта (*study (learn) more Russian*), либо, как и в русском, глагол со значением 'продолжать' (*to continue* или его эквиваленты).

<sup>12</sup> Интересно, что, выбирая форму предлога, говорящий тоже следует нашей стратегии: он игнорирует правила, по которым в этой конструкции необходима форма *обо*, и оставляет стандартную форму *о*, делая конструкцию в целом морфологически проще.

предлог *о* с ролью темы для ментальных и речевых глаголов и на этой базе создать новую композиционную конструкцию, комбинируя ментальный глагол *понимать* и эксплицитный показатель темы – предлог *о*. Между тем по правилам русского языка *понимать* в эту группу не попадает и ведет себя иначе, чем, например, *знать*: роль темы выражается при нем либо прямым дополнением, либо придаточным, а предлог *о* употребляется только при расщеплении валентности темы, ср.: *понимать* X *о* Y (например, *понимать все о себе*). Заметим, кстати, что теми же свойствами обладает и английская конструкция с глаголом *understand*, с которой, в принципе, эритажный носитель мог бы скопировать управление русского *понимать*, ср. (11) и (12):

- (11) *He understood everything about her.*  
 (12) \**He understood about everything.*

Аналогичная и очень характерная для предложных конструкций ошибка допущена эритажным говорящим в (13):

- (12) *Я вас поздравляю за это.*

Основываясь на группе частотных семантически близких конструкций типа *хвалить за Р*, *ругать за Р*, *наказывать за Р* и т. п., он приписывает этому предлогу значение стимула эмоциональной (одобрительной или неодобрительной) реакции субъекта<sup>13</sup> и затем комбинирует его с глаголом *поздравлять*, который тоже обозначает одобрительную эмоциональную реакцию и тоже имеет валентность стимула, но вводит эту валентность другим предлогом – *с*<sup>14</sup>.

Надо сказать, что предложными конструкциями весь репертуар возможностей реализации этой стратегии не исчерпывается. Подобные ошибки часты, например, в словообразовании:

- (14) *Он что-то словил со своей собакой.*

Грамматически правильная форма СВ от глагола *ловить* образуется супплетивно: *ловить* → *поймать*. Для не-носителя форма *поймать*, безусловно, гораздо менее композициональна, чем формы СВ, образованные с помощью приставки *с-*, как *делать* – *сделать*, *варить* – *сварить*, *есть* – *съесть* и т. п.). Эритажный говорящий, зная стандартную модель, присоединяет суффикс *-с-* к основе глагола *ловить* и получает семантически прозрачную форму СВ *словить*. Кстати, в случаях супплетивизма композициональная стратегия предпочитается не только эритажниками – ею широко пользуются и носители языка: формы *человеки*, *ложить* или то же *словил* встречаются в детской речи и просторечии (ср.: *словить кайф*).

Пример (15), который мы бы хотели рассмотреть в связи со стратегией общей модели, тоже касается словообразования, но устроен он более сложно.

- (15) *Он вострелил в трос и трос порвался.*

В английском языке глагол *to shoot* (аналог русского *стрелять*) вводит пациенс либо как прямой объект (*to shoot a man*), либо как косвенный с помощью предлога *at* (*to shoot*

<sup>13</sup> Подробный анализ глаголов эмоциональной реакции с такой моделью управления см. в [Ovsjannikova 2013].

<sup>14</sup> Примерное семантическое описание этого класса можно было бы представить следующим образом: – ‘Субъект намеренно (обычно речевым образом) воздействует на контрагента (адресата) после завершения некоторой ситуации Р, которую контролировал адресат-контрагент и которая вызвала реакцию субъекта’. Можно было бы ожидать, что та же стратегия будет реализована нашим говорящим и в отношении, например, глагола *укорять* (*укорять в чем-л* → *укорять за что-л*).

*at the enemy*) и не имеет приставки – таким образом перед нами снова не-калька<sup>15</sup>. Ситуация, которую пытается передать словами эритажный говорящий в (15), концептуализируется носителями русского языка достаточно сложно. Правильная конструкция *выстрелить в* предполагает, что субъект действия сначала *выстреливает* (преимущественно из ствола какого-то огнестрельного оружия: ружья, винтовки, пистолета или пушки), а уже потом попадает (или не попадает) в цель. В поверхностной структуре упоминания об оружии вполне может и не быть, однако глагольная приставка делает его присутствие в семантическом представлении обязательным, а значение конструкции *выстрелить в* – некомпозициональным. Вместе с тем в русском языке есть целое семейство конструкций, в которых значение приставки *в-* хорошо коррелирует со значением глагола, это проявляется в глагольном управлении, когда предлог фактически дублируется приставкой, ср. глаголы каузации движения с целью достичь конечной точки / пространственной цели, такие как *вложить в*, *вставить в*, *ввинтить в*, *вбросить в* и др. Опираясь на такие случаи, говорящий создает полностью композициональную конструкцию *встрелить в*.

### 3.3. Упрощение грамматики

В этом разделе мы переходим к более «тонким» ошибкам, которые допускают эритажные говорящие, усвоившие некоторую русскую конструкцию, но не в полной мере владеющие ее сочетаемостными ограничениями. Можно предположить, что ошибки первых двух типов более характерны для говорящих, имеющих достаточно низкую языковую компетенцию, а ошибки, которые мы рассмотрим сейчас, возникают в речи тех, кто достаточно хорошо знает русский язык, но просто не всегда чувствует грамматические нюансы употребления. Игнорируя эти нюансы, говорящий реализует ту же стратегию, которую мы обсуждали до сих пор: он тяготеет к более простой и прозрачной форме выражения своего речевого замысла.

Давайте рассмотрим пример (16):

(16) *Когда думают, могут заниматься любым профессием.*

В этом предложении есть ошибка в роде: *любым профессием* → *любой профессией*, но даже если ее исправить, предложение останется ущербным. Действительно, употребленный в этом предложении глагол НСВ *думать* может иметь либо итеративную, либо актуально-длительную интерпретацию. Обе эти интерпретации воспринимаются в контексте модального глагола *мочь* аномально:

- \*‘каждый раз, когда думают, могут заниматься любой профессией’ или
- \*‘в процессе размышления могут заниматься любой профессией’.

В равной степени аномально звучит и аналогичная английская фраза (16а).

(16a) *#When they think they can do any job.*

Эритажный говорящий, конечно, хотел выразить совсем иную идею – он имел в виду *потенциальное* свойство, постоянную способность людей мыслить. В таком случае правильным был бы выбор действительного причастия *думающий* (ср.: *думающие люди*

<sup>15</sup> Конструкцию *встрелить в* нельзя считать калькой с англ. *shoot at*, во-первых, из-за наличия в русской фразе приставки, которая, по-видимому, добавляется композиционально, а во-вторых, из-за того, что английский предлог *at* после глагола имеет множество переводных аналогов, ср.: *look at* ‘смотреть на’, *work at* ‘работать над’, *excel at* ‘преуспевать в’ и т. д. По-разному переводится *at* и в именных сочетаниях, например, *at the corner* ‘на углу’, *at the table* ‘за столом’, *at school* ‘в школе’. Из всего многообразия вариантов эритажный говорящий все же останавливается именно на предлоге *в*.

могут заниматься любой профессией), который как раз добавляет идею потенциальности. Однако структурно такой способ выражения менее прозрачен, поэтому он не так доступен. Теоретически можно было бы представить себе композиционную конструкцию, в которой пара *когда* + *думать* имела бы чисто временную интерпретацию без дополнительной модально-аспектуальной нагрузки, а модальность и аспект эксплицитно добавлялись бы за счет основной клаузы. В таком построении отсутствует важнейший компонент естественно-языковой семантики (который, кстати, и дает в результате эффект некомпозициональности) – согласование смыслов, но именно этот прозрачный в семантическом отношении вариант оказывается ближе зрительному говорящему.

Еще один случай нетривиальной ошибки за счет нарушения тонких грамматических правил представляет пример (17), который был взят из сочинения, посвященного стихотворению К. Симонова «Жди меня»:

(17) *Он пишет ей, чтобы она не перестала любить его.*

Заметим прежде всего, что это предложение может интерпретироваться как правильное. Тогда оно имеет следующий смысл: 'он регулярно посылает ей (своей любимой) письма для того, чтобы хоть как-то проконтролировать ее неосознанное состояние и сделать так, чтобы она не перестала (неконтролируемо!) его любить'. Но поскольку автор хотел пересказать известное стихотворение К. Симонова, ясно, что, несмотря на внешнюю грамматическую правильность, он допустил ошибку – смысл исходного текста совершенно другой: 'он просит ее в письме, чтобы она (осознанно) продолжала любить его'.

Исправить (17) и сделать его более приемлемым с точки зрения того смысла, который в нем должен был быть заложен, просто: достаточно изменить совершенный вид употребленного в придаточном предложении глагола *перестала* на несовершенный:

(17а) *Он пишет ей, чтобы она не переставала любить его.*

Теперь обсудим, почему такие изменения необходимы.

Называя цель, зрительный говорящий употребляет косвенный императив. Чтобы понять, какие нарушения приводят к ошибке, вспомним о семантике вида в более стандартных императивных конструкциях.

Стандартное значение императива, которое можно описать как 'А побуждается к совершению полностью контролируемого Р', чаще выражается с помощью формы, образованной от основы глагола СВ (см., например, [Падучева 1996; Шатуновский 2002] и др.). От глагольных основ НСВ тоже образуются формы императива – их употребление связывают с определенными коммуникативными ситуациями и спецификой речевого акта, однако у таких форм есть и характерные собственно-семантические особенности, например, акцент на начальной фазе действия, как в (18):

(18) *Говорите! Я вас слушаю* [букв. 'Начинайте говорить!']<sup>16</sup>.

Подробно обсуждать все особенности НСВ в императиве мы не будем: мы обратили внимание на то, что его употребление требует освоения некоторых дополнительных правил, и в этом отношении он оказывается более сложным и менее прозрачным, чем СВ.

Для нашего примера важно, что вид в императивных конструкциях чувствителен к признаку контролируемости / неконтролируемости. Известно, например, что в отрицательных высказываниях НСВ привносит пресуппозицию контролируемости [Булыгина 1982]. Другими словами, конструкция «отрицание + НСВ» выражает прохибитив контролируемого действия, ср. (19), в то время как «отрицание + СВ» имеет семантику

<sup>16</sup> Пример из [Падучева 1996: 68].

предостережения, как, например, в примере (19а), который цитируется по [Кобозева 2007].

(19) Умоляю, **не приноси** больше в дом эту гадость или по крайней мере подай ее в мое отсутствие [Б. Кенжеев. Из Книги счастья // «Новый Мир» 2008].

(19а) Только курицу **случайно не принеси** - сразу догадается, что не из лесу [блог maybe.ru].

Интересное дополнение к этому правилу предлагает И.Б. Шатуновский [Шатуновский 2002], который к общеизвестному списку семантически релевантных признаков вида, таких как актуальная длительность, контролируемость и др., добавляет возможность адресата побуждения выбрать, совершать ему действие или нет. Таким образом, в работе И.Б. Шатуновского эксплицируется более тонкая граница между выбором адресата и непосредственным осуществлением действия. Например, команды типа *Стреляй!*, подразумевающие, что адресат уже готов выполнить действие и теперь ждет только дополнительного импульса, образуются только от основ НСВ, а вот побуждение к самому выбору в общем случае будет выражено СВ: *Поговори с ней*.

Вернемся к примеру (17). Замечательно, что он показывает, как правила употребления глагольного вида в стандартном императиве работают и в случае с императивом косвенным. Действительно, необходимость употребления НСВ обусловлена теми же факторами: форму императива с отрицанием (*не переставала любить*) принимает предикат, обозначающий контролируемое действие. Корректнее здесь, правда, было бы говорить не о значении контролируемости действия адресатом в его обычном понимании, а о «выборе» в терминах И.Б. Шатуновского. В самом деле, автор стихотворения рассчитывает на сознательный выбор своей любимой, и именно о нем пишет эритажный носитель в своем сочинении.

Случайно получилось, что оба примера, которые мы только что рассмотрели, касаются аспектуальных особенностей русского языка. Понятно, что в этот класс попадут и ошибки другого рода, но понятно и то, что русский вид устроен особенно сложно и, вполне возможно, составляет самый богатый материал для нарушений разного рода. Об особенностях вида в речи русскоговорящих эритажников см. также [Laleko 2010]. Там, в частности, отмечается, что в так называемых «дефолтных» случаях, когда семантика аспекта композициональна и отражает предельность /непредельность ситуации или действия, ошибок, связанных с видом русского глагола, немного; основные сложности возникают у эритажных говорящих, когда выбор правильной аспектуальной формы основан на некомпозициональных правилах и затрагивает информационную структуру высказывания.

#### 3.4. Нарушение (упрощение) коммуникативной и интерпретационной структуры высказывания

В этом разделе мы рассмотрим примеры, которые демонстрируют нарушения принципов организации высказывания.

Пример (20) представляет ошибку в сфере действия наречия:

(20) *Они грустно играют в карты.*

Слово *грустно* относится к наречиям состояния и обладает достаточно широкой сочетаемостью (ср. примеры (21) и (22) из НКРЯ), тем не менее есть контексты, в которых его употребить невозможно (23):

(21) *Ключик в роли кавалера де Грие грустно поник головой* [В. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)].

(22) *Ее спутник – и не скажешь, что Леша, скорей уж Ахмед или Рахмет – грустно рисует что-то в казенном бланке* [«Русский репортер» (2010)].

(23) *\*Он грустно топал ногами.*

Дело в том, что конструкция *грустно* + V является семантически приемлемой, когда глагол выражает либо относительно стандартное физическое проявление состояния грусти (например, *вздохнуть*, *потупиться*, *сгорбиться* и др., а также *поникнуть головой* в (21), либо действия, которые с этим состоянием совместимы, ср. (22). Во втором случае естественная интерпретация конструкции по сути дела близка к первой – ‘он рисовал и было видно, что ему грустно’. Но она возможна далеко не всегда, ср. предложение (23), в котором наречие *грустно* неприемлемо прежде всего ввиду избыточной активности субъекта, редко сопутствующей состоянию грусти. По сходной причине неестественно и предложение (20): как правило, карточная игра связана с энергичной деятельностью как внешним проявлением азарта.

Этой особенности не учитывает зрительный говорящий: он хочет в одном предложении выразить две простые и разные мысли: ‘им было грустно’ и ‘они играли в карты’. Интересно, что при этом он избегает конструкции с сочинительным союзом, видимо потому, что и в русской фразе *им было грустно*, и *они играли в карты*, и в соответствующей ей английской *they were playing cards in sadness* сочинительный союз добавляет значение следования (‘играли потому, что было грустно’ → ‘чтобы развеять грусть’), и уровень владения языком позволяет зрительному говорящему это почувствовать. Обратим внимание, что свойство союза *и* делает предложение менее композиционным по сравнению с конструкцией *грустно* + V, которая в обычном случае действительно описывает простое соположение внутреннего состояния субъекта и совершаемого им действия.

Следующий пример затрагивает коммуникативную структуру предложения:

(24) *Может быть, Улицкая иронически назвала свой рассказ.*

Ошибка в (24) вызвана тем, что нарушена его естественная тема-рематическая структура. Известно, что некоторые лексические единицы настолько чувствительны к актуальному членению предложения ([Апресян 1995; Яковлева 1994: 35] и др.), что не способны занимать в нем коммуникативно выделенную позицию (свойственную теме или реме). Для иллюстрации обратимся к двум предложениям из [Богуславский 1998]:

(25) *Единственно, кто ждал Свана с мучительной тревогой, это я.*

(25a) *\*Я – единственно, кто ждал Свана с мучительной тревогой.*

В предложении (25) наречие *единственно* (в сочетании с местоимением *я*) обладает сильным рематическим потенциалом и является ремой, несмотря на то, что не несет главного фразового ударения. Однако при этом оно не может занимать обычную для ремы финальную позицию в предложении.

В примере (24) наречие *иронически* также играет роль ремы, а сфера его действия охватывает глагол, но это ошибка: предложение в таком виде неприемлемо. Очевидно, что говорящий хотел передать смысл ‘Улицкая дала рассказу ироническое название’, но вместо этого (24) интерпретируется как ‘Тот факт, что Улицкая назвала свой рассказ, сопровождался иронией’. Устранить ошибку можно, если вывести наречие *иронически* из позиции ремы, которая ему не свойственна, и дополнить предложение «настоящей» ремой. Тогда получится правильное предложение (24a) со значением ‘Улицкая назвала свой рассказ «Счастливые», и в этом была ирония’:

(24a) *Может быть, Улицкая иронически назвала свой рассказ «Счастливые».*

Если реконструировать стратегию зрительного говорящего, получится, что он хотел использовать максимально простую и общую конструкцию *глагол* + *наречие*, но не учел правил, касающихся тема-рематической структуры высказывания и влияющих на его интерпретацию.

Предложение (26) тоже взято из сочинения по рассказу Л. Улицкой «Счастливые»:

(26) *Когда Вовочка родился, они этого совсем не ожидали.*

Речь идет о достаточно пожилой семейной паре, у них появляется ребенок, которого они уже и не надеялись иметь. В русском языке эту мысль нельзя выразить напрямую временной конструкцией с *ожидать*, потому что в контексте этого глагола возникают особые семантические ограничения, которые дают эффект некомпозициональности.

Обычно в сложноподчиненном предложении с придаточным времени объединены две ситуации, причем та, которая выражена придаточным времени, выносится на первый план (в терминологии Р. Лангакера, **профилируется**), а та, которая выражена главным предложением, интерпретируется как фоновая. Можно сказать, что такая «комплектация» сложных предложений с придаточным времени является дефолтной, в особенности если фоном оказывается состояние, ср. (27):

(27) *Леонс был в Петербурге, когда пришло к нему известие о смерти матери.*

Ошибка, которую допустил эритажный говорящий в (26), обусловлена тем, что фоновое действие в главном предложении обозначено глаголом (*не*) *ожидать*. Действительно, если заменить глагол в придаточном предложении, оно не перестанет быть аномальным, зато замена *ожидать* на другое состояние или процесс сразу устранил ошибку ср. (28 и 29):

(28) *\*Когда отец вышел из машины, они этого совсем не ожидали.*

(29) *Когда Вовочка родился, они были богаты / верили в будущее / ехали в поезде / крепко спали / сидели в гостиной и др.*

Дело в том, что ситуации, описанные в главном и придаточном предложениях в (27) и (29), семантически не связаны между собой. Это и есть условие, позволяющее употребить конструкцию *Когда P, Q*. В случае с *ожидать (что P)* значение вставленного предиката *P* является частью семантики вершинного глагола (нельзя истолковать *ожидать*, не упомянув  $P^{17}$ ), поэтому использовать его в подобной конструкции невозможно.

Во всех трех случаях поведение эритажного говорящего вполне композиционально в том смысле, что он прозрачным образом комбинирует эксплицитные компоненты высказывания согласно дефолтной схеме, но не учитывает некомпозициональные правила, касающиеся интерпретационного и дискурсивного компонента.

## ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Как показывают проанализированные примеры, не-кальки (лексико-синтаксические ошибки, не отражающие влияния доминантного языка) – это ценный материал для лингвистических исследований. Он дает возможность, с одной стороны, увидеть действие надязыковых механизмов порождения речи, а с другой стороны – обнаружить те правила конкретного (в нашем случае – русского) языка, которые трудно заметить, если они не нарушаются. И то и другое, бесспорно, представляет значительный интерес.

Мы показали и то, что носители эритажного варианта русского языка действительно обладают особым статусом. В их речи значительно больше не-калек, чем в речи изучающих русский язык иностранцев – и это говорит об их большей склонности к языковому творчеству и готовности самостоятельно организовывать необходимые смыслы доступными им способами. Причем, как показывает рассмотренный нами материал, ошибки выдают некоторую единую стратегию, которая стоит за выбором конкретных языковых единиц: действия нестандартных говорящих, порождающих не-кальку, обусловлены стремлением выразить свою мысль наиболее прозрачным образом, и это вы-

<sup>17</sup> Общую схему толкования можно представить как: 'в  $t_0$  было не  $P$ , считали, что в момент  $t_1$  будет  $P$ ;  $t_1 > t_0$ '.

ражается в речевых стратегиях, композициональных по своей природе. Ради этого они прибегают к передаче необходимого смысла через прозрачное толкование, апеллируют к максимально общей модели для построения новых конструкций, игнорируют тонкие грамматические правила, а также упрощают коммуникативную и информационную структуру высказывания. Безусловно, изучение ошибок нестандартных говорящих и ошибок, допущенных, в частности, носителями эритажного русского, требует дальнейших исследований, и можно уже сейчас примерно обрисовать их программу.

Прежде всего, хотелось бы сравнить неправильные речевые употребления эритажных говорящих с ошибками, которые совершают дети, осваивающие родной русский язык. В области не-калек эта работа была бы чрезвычайно интересной, ведь дети не имеют возможности обратиться к системе другого языка для компенсации своих речевых потребностей, а значит, их лексико-семантическое поведение тоже будет обусловлено особыми механизмами построения смыслов «с нуля». Определенные аналогии в этом направлении уже прослеживаются. Так, в известной работе [Цейтлин 2000] отмечается, что детям свойственно так называемое «снятие идиоматичности», при котором языковые конструкции понимаются и употребляются в их прямом композициональном значении. По мысли С.Н. Цейтлин, дети усваивают систему раньше, чем ее ограничения. Между тем «усвоение системы» подразумевает овладение правилами конкретного языка, а анализ не-калек апеллирует к универсальным языковым механизмам.

Вторая задача – проанализировать ошибки, к которым приводит одновременное использование говорящим правил двух языков, то есть изучить механизм появления неполных калек.

Последняя и, наверное, самая масштабная задача касается исследования ошибок, связанных с разными стратегиями, на которые эритажные говорящие опираются при калькировании. Любопытно было бы посмотреть, отличаются ли эти стратегии от тех, которые выбирают студенты русского как иностранного, и в чем их различие. Отдельный важный вопрос – будут ли стратегии калькирования также тем или иным образом отражать принцип композициональности.

При большом количестве разного рода частных задач для нас важнее всего то, что ошибки дают возможность по-новому подойти к изучению русского языка. Благодаря ошибкам видны системные закономерности, которые не заметны в обычной речи, и Корпус ошибок нестандартных говорящих становится в этом смысле важным инструментом лингвистических исследований.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов. М., 1995.
- Богуславский 1998 – И.М. Богуславский. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Булыгина 1982 – Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Гаспаров 1996 – Б.М. Гаспаров. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гловинская 2001 – М. Я. Гловинская. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Е.А. Земская (ред.). Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.; Вена, 2001. (Wiener Slawistischer Almanach. Sdb 53.)
- Земская 2001 – Е.А. Земская. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые процессы // Е.А. Земская (ред.). Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.; Вена, 2001. (Wiener Slawistischer Almanach. Sdb 53.)
- Кобозева 2007 – И.М. Кобозева. Лексическая семантика. М., 2007.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
- Фреге 1977 – Г. Фреге. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Цейтлин 2000 – С.Н. Цейтлин. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.

- Шатуновский 2002 – И.Б. Шатуновский. Несовершенный vs. совершенный вид в императиве (к проблеме начала) // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002.
- Яковлева 1994 – Е.С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Bender et al. 2010 – A. Bender, S. Beller, G. Bennardo. Temporal frames of reference: Conceptual analysis and empirical evidence from German, English, Mandarin Chinese, and Tongan // *Journal of cognition and culture*. 2010. № 10.
- Chang, Mishler 2012 – C.B. Chang, A. Mishler. Evidence for language transfer leading to a perceptual advantage for non-native listeners // *Journal of the Acoustical society of America*. 2012. V. 132. № 4.
- Croft 2001 – W.A. Croft. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford, 2001.
- Dąbrowska 2004 – E. Dąbrowska. *Language, mind and brain: Some psychological and neurological constraints on theories of grammar*. Georgetown, 2004.
- Dörnyei, Kormos 1998 – Z. Dörnyei, J. Kormos. Problem-solving mechanisms in L2 communication: A psycholinguistic perspective // *Studies in second language acquisition*. 1998. № 20.
- Ellis 2003 – R. Ellis. *The study of second language acquisition*. Oxford, 2003.
- Ellis 2013 – N. Ellis. *Construction grammar and second language acquisition* // G. Trousdale, Th. Hoffmann (eds). *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford, 2013.
- Fillmore et al. 1988 – Ch. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // *Language*. 1988. V. 64. № 3.
- Gass 1979 – S. Gass. Language transfer and universal grammatical relations // *Language learning*. 1979. V. 29.
- Givón 1989 – T. Givón. *Mind, code and context: Essays in pragmatics*. Hillsdale (NJ), 1989.
- Goldberg 1995 – A. Goldberg. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.
- Granger 2003 – S. Granger. The corpus approach: A common way forward for contrastive linguistics and translation studies? // S. Granger, J. Lerot, S. Petch-Tyson (eds). *Corpus-based approaches to contrastive linguistics and translation studies*. Amsterdam; New York, 2003.
- Grice 1975 – H.P. Grice. *Logic and conversation* // P. Cole, J. Morgan (eds). *Syntax and semantics*. V. 3: Speech acts. New York, 1975.
- Kellerman 1979 – E. Kellerman. Transfer and non-transfer: where are we now? // *Studies in second language acquisition*. 1979. V. 2.
- Lado 1960 – R. Lado. *Linguistics across culture*. Michigan, 1960.
- Laleko 2010 – O. Laleko. *The syntax-pragmatics interface in language loss: Covert restructuring of aspect in heritage Russian*. Doctoral dissertation. Minnesota, 2010.
- Langacker 1987 – R. Langacker. *Foundations of cognitive grammar: Theoretical prerequisites*. V. 1. Stanford (CA), 1987.
- Levinson 2003 – S.C. Levinson. *Space in language and cognition*. Cambridge, 2003.
- Littlemore 2009 – J. Littlemore. *Applying cognitive linguistics to second language learning and teaching*. Basingstoke; New York, 2009.
- Majid et al. 2004 – A. Majid, M. Bowerman, S. Kita, D. Haun, S.C. Levinson. Can language restructure cognition? The case for space // *Trends in cognitive sciences*. 2004. V. 8. № 3.
- Michaelis 2005 – L.A. Michaelis. Entity and event coercion in a symbolic theory of syntax // J.O. Oestman, M. Fried (eds). *Construction grammars: Cognitive grounding and theoretical extensions. Constructional approaches to language*. Amsterdam, 2005.
- Mustajoki et al. 2010 – A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. *Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approach to non-standard Russian*. Helsinki, 2010.
- Odlin 1989 – T. Odlin. *Language transfer*. Cambridge, 1989.
- Ovsjannikova 2013 – M. Ovsjannikova. Encoding and semantic properties of stimulus in Russian: Verbs of anger and beyond // *Russian linguistics*. 2013. № 1 (37).
- Partee 1995 – B.H. Partee. Lexical semantics and compositionality // L.R. Gleitman, M. Liberman (eds). *Language. An invitation to cognitive science*. V. 1. Cambridge (MA), 1995.
- Polinsky 2008a – M. Polinsky. Without aspect // G. Corbett, M. Noonan (eds). *Case and grammatical relations*. Amsterdam, 2008.
- Polinsky 2008b – M. Polinsky. Gender under incomplete acquisition: Heritage speakers' knowledge of noun categorization // *Heritage language journal*. 2008. № 1 (6).
- Polinsky, Kagan 2007 – M. Polinsky, O. Kagan. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // *Language and linguistics compass*. 2007. № 1 (5).

- Selinker 1983 – *L. Selinker*. Language transfer in language learning. Rowley (MA), 1983.  
 Skehan 1998 – *P. Skehan*. A cognitive approach to language learning. Oxford, 1998.  
 Slobin 2004 – *D. Slobin*. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // *S. Strömquist, L. Verhoeven* (eds). Relating events in narrative: Typological and contextual perspectives. Mahwah (NJ), 2004.  
 Stockwell et al. 1965 – *J. Stockwell, D. Bowen, J.W. Martin*. The grammatical structures of English and Spanish. Chicago, 1965.  
 Talmy 1985 – *L. Talmy*. Semantics and syntax of motion // *J.P. Kimball* (ed.). Syntax and semantics. New York, 1985.  
 Talmy 1991 – *L. Talmy*. Path to realization: A typology of event conflation // *L. Sutton, C. Johnson, R. Shields* (eds). Proceedings of BLS 17. Berkeley (CA), 1991.  
 Tomasello 2003 – *M. Tomasello*. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Harvard, 2003.  
 Whorf 1956 – *B. Whorf*. Language, thought and reality: Selected writings by Benjamin Lee Whorf. Massachusetts, 1956.

*Сведения об авторах:*

Анастасия Сергеевна Выренкова  
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»  
 anastasia.vyrenkova@yandex.ru

Мария Семеновна Полинская  
 Гарвардский университет  
 Harvard university  
 polinsky@fas.harvard.edu

Екатерина Владимировна Рахилина  
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»  
 Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова,  
 rakhilina@gmail.com

Статья поступила в редакцию 1.10.2013.